

Семейное устройство участников Январского восстания
в Оренбургской ссылке в 1863–1873 гг.

С.А. Четвериков

*Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской
Оренбург, Российская Федерация*

В статье рассматриваются вопросы семейного устройства участников Январского восстания 1863 г., высланных на жительство под надзор полиции и водворенных на казенных землях Оренбургской губернии. Отмечается, что 14% от общего числа лиц, состоявших под надзором полиции в городах губернии, прибыли к месту проживания вместе с членами своих семей – детьми, женами, мужьями и племянницами. Указывается, что почти каждый пятый из уроженцев Западного края, водворенных в Оренбургской губернии, женился на местной жительнице. Некоторые из ссыльных обзавелись имуществом и остались жить в крае.

Ключевые слова: Польское восстание 1863 г., ссылка, Оренбургская губерния, водворение на казенных землях, семьи ссыльных.

Для цитирования: Четвериков С.А. Семейное устройство участников Январского восстания в Оренбургской ссылке в 1863–1873 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.25–33.

Расположенная на границе с Азиатскими государствами и отдаленная от столиц более чем на 1500 километров, Оренбургская губерния с момента своего основания в середине XVIII в. являлась местом ссылки для лиц, проявлявших «вредные политические стремления». В г. Оренбург «на службу куда пригодится» высылались солдаты и чиновники, имевшие смелость произнести дерзновенные речи против императора; члены тайных обществ, мечтавшие о политических преобразованиях или о даровании независимости западным окраинам страны; участники национально-освободительного движения в Царстве Польском и Западном крае. На службу в оренбургские батальоны направлялись пленные польские конфедераты и солдаты Великой армии Наполеона I, декабристы, члены революционных кружков и тайных обществ, взятые в плен участники Польского восстания 1831 г.

Особую категорию ссыльных составляли лица, высланные с территории Царства Польского и Западного края за причастность к Январскому восстанию 1863 г. Оно началось с нападения на гарнизоны русских войск в г. Варшаве в ночь с 10 на 11 января, а после разгрома основных сил мятежников приняло вид партизанской войны. Его очагами стали Варшавская, Виленская и Ковенская губернии, где мятежническое движение нашло поддержку среди крестьянского населения [27, с.70].

В целях прекращения политических беспорядков виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову 14 января 1863 г. был дан Высочайший рескрипт, предоставлявший ему право «принимать особые меры, необходимые к охранению спокойствия в крае» [26, с.60–61]. Согласно данному рескрипту, для определения степени виновности лиц, взятых в плен с оружием в руках; лиц, обвиненных в содействии мятежникам; а также подозреваемых в укрывательстве участников мятежа, были созданы Военно-судные комиссии. Их решения вступали в силу по конфирмации (после их утверждения) В.И. Назимовым. Участники восстания предавались военному суду с исполнением приговора на месте после его утверждения начальником губернии, на территории которой они были задержаны.

На основании особых правил Министерства внутренних дел Российской империи от 11 мая 1863 г. «О наложении взысканий на мятежников» участники мятежа были разделены, в зависимости от тяжести совершенных преступлений, на пять категорий. К первой категории были отнесены лица, захваченные с оружием в руках и принимавшие участие в сражениях с русскими войсками. Они приговаривались к смертной казни или осуждались на каторжные работы в Сибири. Ко второй – четвертой категориям относились лица, находившиеся в «мятежнических бандах», но не принимавшие участия в сражениях с русскими войсками, а также лица, сочувствовавшие восставшим. Вторая категория мятежников высылалась с лишением всех прав состояния в Сибирь. Третья категория приговаривалась к ссылке в отдаленные губернии или в Сибирь на жительство под надзор полиции. Четвертая категория направлялась на жительство под надзор полиции с лишением всех прав состояния в отдаленные губернии России. Пятую категорию мятежников составляли лица, добровольно возвратившиеся из банд, но не принятые на поруки обществом, а также лица, оставленные «под сильным подозрением» – чье участие в восстании не было доказано. Данные уроженцы Западного края приговаривались к водворению (принудительному поселению) на казенных землях в отдаленных губерниях империи.

Циркуляр Министерства внутренних дел Российской империи №79 от 28 мая 1863 г. сообщал оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку о назначении вверенной ему губернии «местом ссылки для уроженцев Западного края, имевших вредные политические стремления» [23, л.20].

Датированный тем же числом циркуляр Министерства внутренних дел Российской империи №80 определял порядок отправления ссыльных и правила надзора за ними. Согласно циркуляру, на каждого преступника, высылаемого из пределов Западного края, составлялось извещение. В нем указывалась губерния, в которую он назначен на жительство; обозначалось сословие, к которому принадлежал ссыльный; один ли он отправляется или с семейством; имеет ли собственные средства к существованию или должен пользоваться пособием от казны [1, л.65].

Надзор за ссыльными участниками восстания поручался губернаторам, которые должны были разделить все населенные пункты, предназначенные

для их расселения, на два разряда, «сообразно населенности, климатическим условиям, топографическому положению и материальным удобствам жизни. Основанием назначения ссыльного на жительство в том или другом разряде местности служили их поведение и нравственность» [2, л.7].

При этом в соответствии с правилами, Высочайше утвержденными 17 сентября 1862 г., супругам лиц, приговоренных к ссылке с лишением всех прав состояния, не участвовавшим в их преступлениях, предоставлялась свобода выбора: следовать или не следовать за ними в ссылку [25, с.88–89].

Во избежание побегов участников восстания 1863 г., прибывших на места ссылки вместе с членами семьи, 29 мая 1864 г. Министерством внутренних дел Российской империи был издан циркуляр №105. В соответствии с ним «дети ссыльных, находившиеся добровольно при родителях, лишались права отлучек из мест, определенных для их жительства, и помещались под строгий надзор полиции» [22, л.148]. Данные ограничения действовали вплоть до 10 декабря 1872 г.

Женам и детям лиц, высылаемым на жительство под надзор полиции без лишения прав состояния, на основании циркуляра Министерства внутренних дел Российской империи №205 от 25 июня 1864 г. разрешалось отправиться в ссылку вместе с ними [23, л.80]. При этом они лишались права отлучаться из определенного правительством места жительства и помещались под строгий надзор полиции, как и высылаемые лица, за которыми они изъявили желание следовать.

К середине 1865 г. на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию за причастность к произошедшим в Царстве Польском политическим беспорядкам были отправлены 506 человек. Из них вместе с семьями прибыли 69 человек, или 14% от общего числа осужденных.

Материалы «Ведомостей о лицах, состоявших под надзором полиции в Оренбургской губернии» дают представление о том, кто из родственников участников восстания пожелал отправиться вместе с ними в ссылку. Например, в 1863 г. в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции прибыл шляхтич Ковенской губернии Матеуш Буковский с женой Марианой [3, л.24].

В сентябре 1863 г. в г. Уфу вместе с двумя племянницами были доставлены дворянки Виленской губернии Адель и Идалия Городенские, сосланные за распространение ложных слухов против правительства и по неблагонадежности в политическом отношении [4, л.28 об.].

В ноябре 1863 г. в г. Стерлитамак прибыла губернская секретарша Теофила Антоновна Мисевич, высланная за неблагонадежность в политическом отношении. Узнав о возможности воссоединиться с семьей, она обратилась к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку с просьбой прислать к ней из Царства Польского дочерей Екатерину, Марию и Стефанию. Данная просьба была удовлетворена, девушки прибыли в г. Стерлитамак в июне 1864 г. [4, л.35 об.].

В декабре 1863 г. в г. Стерлитамак была доставлена помещица Черниговской губернии Антонина Соккульская с гувернанткой Эмилией Катуман за

подговор крестьян к важным свидетельствам в пользу обвиняемого в мятеже мужа [4, л.40 об.]

Шляхтичи Царства Польского Николай, Розалия, Иван и Михалина Щук были отправлены на жительство под надзор полиции в г. Оренбург 23 марта 1864 г. по распоряжению Главного начальника Северо-Западного края за неблагонадежность в политическом отношении. Николай и Розалия получали от казны содержание по 15 копеек в сутки на пропитание и 1 рубль 50 копеек в месяц на наем квартиры. Иван с Михалиной получали казенное пособие в половинном размере. В 1867 г. Михалина Щук приняла православие и стала жить отдельно от мужа [7, л.135 об.].

В марте 1864 г. в г. Челябинск были сосланы за участие в политических беспорядках дворяне Гродненской губернии Франциска, Марианна и Викентий Яворовские. При Франциске находилась ее малолетняя дочь [8, л.116 об.].

В г. Уфе вместе с женой и двумя малолетними детьми проживал помещик Борисовского уезда Минской губернии Цезарий Роговский, высланный за «хранение у себя в запрещенное время нескольких ружей, кинжалов и других военных боевых припасов, а также запрещенного костюма» [5, л.76 об.].

В июле 1864 г. в г. Оренбург прибыла дворянка Ковенской губернии Валерия Вейсенгоф, сосланная за участие во всех происходивших демонстрациях, ношение траурных и разных революционных платьев, доказывающих ее сочувствие мятежникам, а также за старание привлечь к мятежу молодых людей. Вместе с ней в ссылку отправились племянница Каземира Забельская и служанка Елизавета Митолова [5, л.101 об.].

В г. Стерлитамак в августе 1864 г. были доставлены мещанин города Гродно Вильгельм Гильберт с женой Юзефой и малолетним сыном, виновные в составлении подложных прошений, а также за неблагонадежность в политическом отношении [5, л.149 об.].

В декабре 1864 г. на жительство под надзор полиции в г. Белебей были присланы дворянин Ковенской губернии Петр Петрович с женой Анелией Яковлевной и двумя малолетними детьми (осуждены за допущение вступления в шайку мятежников старших сыновей Леона и Павла) [5, л.104 об.].

Отдельного внимания заслуживает помещица Виленской губернии Франциска Завадская, высланная в г. Оренбург в ноябре 1863 г. «за участие в мятеже, приеме у себя мятежников и неоднократное снабжение их деньгами и продовольствием», муж которой, не участвовавший в восстании, отказался ехать вместе с ней в ссылку [4, л.37 об.].

Согласно уведомлению, отправленному оренбургским гражданским губернатором К.Н. Боборыкиным в Министерство внутренних дел 11 ноября 1865 г., на территории Оренбургской губернии под надзором полиции за политические преступления находились: в г. Оренбурге – 83 человека (из них 25 членов семей прибыли добровольно); в г. Троицке – 40; в г. Челябинске – 70 (из них добровольно прибыли 13); в г. Верхнеуральске – 42 человека (из них добровольно прибыли 6) [18, л.7].

Участники Январского восстания 1863 г. из простого сословия (мещане, однодворцы, крестьяне) подлежали принудительному водворению на казен-

ных землях во внутренних губерниях империи, сопровождавшемуся лишением всех прав состояния и причислением по прибытии на место ссылки к крестьянскому сословию. Большими партиями они направлялись в г. Псков, где на сборном пункте уроженцам Западного края выдавалась арестантская одежда, состоящая из фуражной шапки, шинели, полукафтана, летних и зимних шаровар, подштанников, рукавиц, галстука, рубахи, одной пары сапог и полушубка [14, л.27]. Затем ссыльных отправляли пешим этапом в г. Уфу для дальнейшего распределения по селениям Оренбургского и Челябинского уездов.

Согласно уведомлению Министерства внутренних дел Российской империи №5499 от 12 ноября 1863 г., в числе первой партии в Оренбургскую губернию из Царства Польского были отправлены для поселения на казенных землях за политические проступки 13 мещан и 33 крестьянина, обремененных семьями [13, л.5–5 об.].

При этом не все семьи участников восстания 1863 г., приговоренных к ссылке в Оренбургскую губернию, прибыли к определенному для них месту жительства. Например, в числе первых преступников, назначенных Военно-судными комиссиями к водворению на казенных землях Оренбургской губернии, значились дворянки Фелициана Рымашевская, Паулина Францкевич с дочерьми Эмилией, Казимирой, Александрой и Констанцией; Анастасия Михайлевич с дочерьми Констанцией и Анной. В процессе пересылки им было изменено место отбывания наказания, и вместо г. Оренбурга они отправились на поселение в Пермскую губернию [12, л.1–5].

В августе 1864 г. киевский военный губернатор Н.Г. Казнаков уведомил оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака об отправке для водворения на казенных землях однодворца Киевской губернии Евстафия Подвысоцкого с семейством, виновного в «произнесении дерзких слов об особе Государя Императора». Но, по случаю беременности, его жена с малолетними детьми были оставлена на прежнем месте жительства [16, л.1].

Всего к 13 апреля 1866 г. в Оренбургской губернии было водворено 299 участников восстания, из которых 8 человек женились на православных.

В ноябре 1864 г. Министр внутренних дел Российской империи П.А. Валуев разрешил польским уроженцам, водворенным на казенных землях Оренбургской губернии за политические преступления, обращаться во вверенное ему министерство с просьбой о присылке к ним их семейств. Он потребовал оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака составить список принудительно поселенных в Оренбургской губернии уроженцев Западного края, пожелавших присылки своих семей, поскольку «прочное устройство крестьянского хозяйства крайне затруднительно без пособия женских рук» [17, л.1].

В марте 1865 г. с просьбой прислать семейства обратились 6 ссыльных поселенцев. Предложения приехать к мужьям на определенные правительством места жительства были разосланы в различные губернии империи. Ответ был получен лишь от крестьянки Ковенской губернии Анны Станкуновой, которая отказалась приезжать в Оренбургскую губернию, объясняя это тем,

что ее муж «был развратного поведения и после брака, прожив с ней не более пяти месяцев, бросил ее на произвол судьбы, ради своей любовницы» [17, л.94].

В 1867 г. с подобной просьбой к министру внутренних дел обратились 10 человек. Согласно уведомлению Ломжинского губернского правления (сейчас г. Ломжа, Польша), жена водворенного в Оренбургской губернии Антона Ольшевского не изъявила согласия на переселение для совместного жительства с мужем, сославшись на «большое расстояние, отделяющее ее от него и по уверенности в безбедном настоящем положении ее отца». Получив отказ, А.Ольшевский обратился к оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому с просьбой «оценить и продать оставшееся у него на родине недвижимое имущество (землю и дом), а вырученные деньги не вручать жене, только мне, как действительному владельцу оно» [20, л.48 об.]. Добившись развода, А.Ольшевский в 1869 г. вступил в брак с купчихой 1-й гильдии Глафирой Бакакиной [21, л.43].

Жены Антона Войтовича, Станислава Пули, Павла Хоецкого и Антона Калинского отказались приезжать к мужьям, указав в качестве причины наличие малолетних детей. Жена Игнатия Доминского – Юзефа отказалась от переезда в Оренбургскую губернию, сославшись на «расстроенное здоровье». Получив отказ жены, С.Пуля обратился к Н.А. Крыжановскому с просьбой развести его и позволить вступить в брак с дочерью крестьянина села Новоникитино Оренбургского уезда Аграфией Зубровой [20, л.49]. Решение данного вопроса потребовало вмешательства епископа Оренбургского и Уральского Митрофана, который 3 мая 1871 г. уведомил генерал-губернатора, что, согласно Своду законов гражданских издания 1857 г. (статья 45, пункт 2, том X, часть 1), «браки ссыльных расторгаются только в случае, когда сосланный лишен всех прав состояния». Поляки, высланные в Оренбургскую губернию со своей родины за произведенный мятеж без лишения всех прав состояния, «не могут подлежать под изложенное в этом законе правило». Таким образом, польским поселенцам, обратившимся с просьбой вступить в новые браки по той причине, что оставшиеся у них на родине жены не изъявили согласие прибыть к ним для совместного жительства, следовало отвечать отказом [20, л.89].

Жены Михаила Стемпневского – Агнешка и Войцеха Каминского – Францишка согласились приехать в Оренбургскую губернию вместе с детьми, однако «для сей надобности в распоряжении Оренбургского губернского правления не оказалось средств для их отправки». Они прибыли к мужьям лишь в 1873–1874 гг.

В 1869 г. с просьбой «выслать жену» обратились ссыльные поселенцы Юзеф Фукс и Франц Морис. В ответ на предложение выехать в Оренбургскую губернию Марианна Фукс ответила отказом, указав, что «она имеет на месте жительства родителей и родственников, от которых получает средства к существованию, и не желает покидать родины» [20, л.81]. Францишка Морис изъявила желание отправиться к мужу [20, л.98].

В феврале 1872 г. крестьянин Гродненской губернии Матеуш Адашкевич, высланный в г. Уфу под строгий надзор полиции в сентябре 1863 г. за

нахождение в рядах мятежников, обратился с просьбой к Н.А. Крыжановскому. Он просил его «прислать к нему из Гродненской губернии за счет казны жену для совместного жительства и обзаведения хозяйства в г. Троицке, где пожелал поселиться». Данная просьба была удовлетворена [15, л.20].

Многочисленные ограничения, наложенные правительством на лиц, высланных под надзор полиции в Оренбургскую губернию (лишение права на неприкосновенность переписки, запрет покидать назначенные губернаторами места пребывания, запрет обучать детей и вступать в государственную и общественную службу), не являлись препятствием для заключения браков как между ссыльными, так и между ссыльными и местными жителями.

Например, сосланный в г. Верхнеуральск за участие в мятеже губернский секретарь Виленской губернии Михаил Волчаский в 1865 г. женился также на ссыльной уроженке Виленской губернии Аполонии Лудзевич, обвинявшейся в «укрывательстве в своем доме мятежников» [7, л.104].

Право вступать в браки с крестьянками и свободного состояния русскими подданными «с тем, чтобы дети от этих браков были крещены в православную грекороссийскую веру», было даровано уроженцам Царства Польского, взятым в плен в ходе восстания 1830–1831 гг., Высочайше утверждено указом от 28 мая 1834 г. [24, л.1].

Действие этого указа было подтверждено министром внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашевым. В особом письме, составленном в ответ на запрос оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского 8 мая 1869 г., он сообщал, что для заключения брака между состоявшими под надзором полиции уроженцами Западного края и русскими подданными разрешения не требуется. Сам процесс заключения брака «происходит на общих основаниях» [21, л.45]. Он указывал на действующее законодательство и требовал, чтобы к нему более не обращались с подобными просьбами.

Всего к середине 1869 г. из 299 участников Январского восстания 1863 г., водворенных на казенных землях Оренбургской губернии, 56 человек, или 19%, женились на православных [19, л.31].

Благодаря значительному числу межнациональных браков встречались случаи, когда ссыльные поселенцы, осужденные за участие в восстании 1863 г., после дарования амнистии отказались возвращаться на родину, мотивируя это тем, что женились на русских и получили средства на «домообзаведение». Так, разрешение причислиться к Оренбургскому мещанскому обществу получили крестьянин Люблинской губернии Войцех Лучинский [9] и мещанин города Житомира Иван Дусай [11]. Право поселиться в Оренбургской губернии и поступить на государственную службу получил дворянин Минской губернии врач Владислав Симонович [10]. Разрешение остаться в Челябинском уезде было даровано водворенному в с. Чудиново участнику восстания австрийскому подданному Феликсу Бржостовскому. Он «женился, прижил детей, имел в селе дом и полное хозяйство». Сославшись на болезнь жены, Ф. Бржостовский не пожелал возвращаться в Австрию и принял присягу на подданство [6].

Таким образом, членам семей участников Январского восстания 1863 г. предоставлялась свобода выбора: следовать или нет за своими родственниками в ссылку. Ограничения, вводимые для жен и детей ссыльных, были направлены в первую очередь на предотвращение побегов неблагонадежных лиц из мест, определенных для их пребывания правительством. Административные власти старались не вмешиваться в личную жизнь ссыльных, соглашаясь на разводы и приветствуя заключение межнациональных браков с русскими подданными. В целях прочного устройства крестьянского хозяйства на новом месте поселения ссыльным выдавались деньги на «домообзаведение», также им дозволялось обращаться в Министерство внутренних дел с просьбой прислать к ним их жен, оставшихся на родине.

Источники и литература

1. Объединенный Государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.18. Д.212.
2. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.461.
3. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.493.
4. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.495.
5. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.533.
6. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.656.
7. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.662.
8. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.717.
9. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.732.
10. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.761.
11. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.763.
12. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.56.
13. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.60.
14. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.88.
15. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.94.
16. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.154.
17. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.174.
18. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.190.
19. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.210.
20. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.245.
21. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.265.
22. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.359.
23. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.361.
24. ОГАОО. Ф.172. Оп.3. Д.1489.
25. ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVII. Ч. 2. № 38688.
26. ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39161.
27. *Славутинский С.Т.* Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа // Исторический вестник. 1899. Т. XXXVII. С. 53–79.

The family placement of the participants of the January uprising
in Orenburg exile in 1863–1873

S.A. Chetverikov

*N.K. Krupskaya Orenburg Regional Universal Scientific Library
Orenburg, Russian Federation*

The article deals with the issues of family arrangement of the participants of the January uprising of 1863, who were deported to live under police supervision and settled on state lands of the Orenburg province. It is noted that 14% of the total number of persons who were under police supervision in the cities of the province arrived at their place of residence together with their family members – children, wives, husbands and nieces. It is indicated that almost every fifth of the natives of the Western Territory, settled in the Orenburg province, married a local resident. Some of the exiles acquired property and remained to live in the region.

Keywords: Polish uprising of 1863, exile, Orenburg province, settling on state lands, families of exiles.

For citation: Chetverikov S.A. The family placement of the participants of the January uprising in Orenburg exile in 1863–1873. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.25–33. (In Russian)

Информация об авторе:

Четвериков Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором редких книг Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (Оренбург, Российская Федерация); e-mail: serg_17@mail.ru

Chetverikov Sergey Alekseevich – Cand. Sci. (history), Head of the Sector of Rare Books of the N.K. Krupskaya Orenburg Regional Universal Scientific Library (Orenburg, Russian Federation).